

ТРАДИЦИИ РУССКОГО РЕАЛИЗМА В ОЧЕРКАХ «ДВА ДНЯ В КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ» И «ОХОТА НА ВОЛКОВ»

А. Ж. Сайбулова, Т. М. Жаглова

Оренбургский государственный университет

Поступила в редакцию 5 ноября 2020 г.

Аннотация: *статья посвящена изучению регионального компонента в литературе на примере очерков А. К. Толстого («Два дня в киргизской степи») и оренбургского автора Охотника («Охота на волков»). Рассматриваются особенности поэтики, выявляются приемы, характерные для русского реализма.*

Ключевые слова: *очерк, реализм, реалистический пейзаж, типизация, обобщение, авторская позиция.*

Abstract: *the article is devoted to the study of the regional component in the literature on the example of essays by A. K. Tolstoy («Two days in the Kirghiz steppe») and the Orenburg author of «the Hunter» («Hunting wolves»). Attention is paid to the peculiarities of poetics, identifying techniques characteristic of Russian realism.*

Keywords: *essay, realism, realist landscape, typing; a compilation; the author's position.*

Самобытное творчество А. К. Толстого занимает почетное место в отечественной литературе: он известен как автор исторических романов, как драматург и поэт. Е. Барашкова считала, что писатель намеренно обходил стороной популярные во второй половине XIX в. жанры очерка, романа и повести [1], но известны, например, два его очерка, описывающие охоту и вышедшие в «Журнале коннозаводства и охоты»: «Волчий приемыш» и «Два дня в киргизской степи». Второй очерк связан с поездкой в Оренбург в июне 1841 г. Вслед за оренбургским исследователем А. Прокофьевой, мы включаем в региональный компонент литературы произведения, «представляющие природу края, наиболее известные места его, важные исторические события, знаменитых людей края, жизнь, нравы, обычаи, быт жителей» [2, 4].

В 1841 г. А. Толстой жил на «кочевке», которая была между Оренбургом и Уфой, у реки Белой. Он собирался охотиться на уток и стрепетов с соколами. В ожидании пернатых хищников ходил с легавой за тетеревами, что ему быстро наскучило. Но когда в степь вернулись сайгаки, молодой человек с головой окунулся в охотничьи приключения. Впечатления от этой поездки и нашли отражение в очерке «Два дня в киргизской степи».

В 1891 г. на страницах «Оренбургского листка» под псевдонимом Охотник вышел небольшой очерк «Охота на волков», также написанный на основе личных впечатлений от удачной охоты.

В обоих очерках повествование велось от первого лица. Очерки похожи на рассказы, в которых описаны

эпизоды из жизни авторов, действительность в них показана в ярких картинках и образах. Оба эпизода характеризовали охоту в целом (увлечение многих людей), вскрывали проблемы, существующие в приграничной зоне (набеги кочевников), описывали реальную историю (появление в оренбургских степях огромного количества сайгаков и волков, устроивших логово недалеко от Оренбурга), сочетали документальность и художественность. В образах главных героев проявились как конкретные биографические черты (страстная любовь к охоте), так и черты, характеризующие собирательный портрет охотника первой половины XIX в. (удаль, бесстрашие, смекалка). В обоих произведениях именно вокруг автора строится композиция очерка: сцены охоты сменяются пейзажами, отрывками из жизни героев, встречами с оренбургскими казаками.

В «Двух днях» писатель предварил традиции русской реалистической пейзажной прозы, связанной с именами С. Т. Аксакова («Записки об уженье рыбы» и «Записки ружейного охотника»), И. С. Тургенева («Записки охотника»). В произведении представлен природный мир Оренбургского, пока еще девственного края: «Стаи витютней пролетали над нами; по дороге прохаживались степные кулики, с красным носом и красными ногами, называемые сороками по цвету их перьев; время от времени вспархивал из-под тарантаса испуганный стрепет, и поминутно выскакивали из нор своих суслики и свистели, сидя на задних лапках» [3, 128–129] и далее: «...мы проехали верст десять, не встретив ничего, кроме сурков, которые, выскакивая из нор, стояли над ними как будто на часах, но не подпускали нас на ружей-

ный выстрел» [3, 132].

Антропоморфизм мы наблюдаем и в очерке «Охота на волков»: «...пока волки еще не нападают, их враг сплоск криком всегда напугаешь, и они, струсивши, пускаются наутек, а если уже начнут атаковать и «рассвирепятся», тогда ничего не поделаешь» [4, 3]; «Волки пустились удирать...»; «...волк бежал в погоню за казаком...» [4, 3]. Автор наделяет животных не только человеческими качествами, но и прозвищами: «серые приятели», «серые соседи», «овражанцы» [4, 3]. Эти приемы придали описаниям живость и личностность — в описаниях видна наблюдательность, точность авторов. Читатель проникается сочувствием к зверькам, радуется наказанию хищников, уничтоживших домашний скот.

Территория проживания, климат, природа накладывают свой отпечаток на мировосприятие, мироощущение людей. Если автору-герою «Двух дней» типичны для оренбургского пейзажа степи и его обитатели казались экзотическими, особенно сайгаки, то для автора-героя «Охоты», привыкшего к местной флоре и фауне, окружающий мир — это данность, в которой охотятся на типичных для степного края хищников.

Охота в обоих очерках — увлекательное зрелище, поединок живых существ: человека и животного. Кто станет победителем, неизвестно. Интрига сохраняется до самой последней минуты.

В произведении «Два дня в киргизской степи» природа явилась фоном, на котором происходило действие (охота на сайгаков), передала психологическое состояние героев. Автор использовал и элементы научного стиля в описании природы (описание растений, животных, рельефа, климата). В «Охоте на волков» описание пейзажа также выступает фоном событий: «...ночь была совершенно ясная, а полная луна освещала горизонт и все видимые предметы. При лунном свете очаровательно белый снежный покров казался еще лучше и был волшебным хороши» [4, 3]. Во время выслеживания зверей погода играла в пользу охотников: «Мороз в декабре был сильный, ветер дул встречный, и это давало нам надежду, что мы можем подойти к волкам близко, ибо ветром подход наш относился назад» [4, 3].

В некоторых эпизодах изобразительность и выразительность создавались художественно нейтральными средствами. Вот автор нетороплив в описании оренбургских красот: «...почти все они имеют ту же оригинальную форму, почти все увенчаны стенообразным гребнем сланцеватого камня, и в каждой долине протекает небольшой ручей, с обеих сторон скрытый кустарником. Долины эти изобилуют разными ягодами, а более всего особенным родом диких вишен, растущих в высоком ковыле едва приметными кустами» [3, 126]. А вот он, обладающий тонким художественным вкусом, передает оттенки пейзажей: «Места, чрез которые мы проезжали, были очень раз-

нообразны и живописны; сначала такие же холмы, как и на кочевке, потом широкие долины, Сакмара, отсвечивающая сквозь лес серебряных тополей, зеленая, цветущая степь, а вдали голубые Губерлинские горы. <...> Крутые берега, утесы, тарантас, до половины колес погруженный в воду, прыгающие лошади, башкирцы, вооруженные луками, наши ружья и сверкающие кинжалы, все это, освещенное восходящим солнцем, составляло прекрасную и оригинальную картину. Урал в этом месте не широк, но так быстр, что нас едва не унесло течением. На другой стороне степь приняла совершенно новый вид. Дорога скоро исчезла, и мы ехали целиком по крепкой глинистой почве, едва покрытой сожженной солнцем травой» [3, 128–129]. Описание пейзажей обогащается эпитетами, которые делают текст выразительным: острые камни, глубокий овраг, широкие долины, зеленая степь, свежее сено, крутые берега и т.п. Степь уподобляется «слегка взволнованному морю» [3, 129], эмоции автора «Двух дней» выливаются в различные эпитеты: «самое жаркое», «неимоверное множество тетеревов», «отличная собака», «бедный Буффон», «пропасть тетеревей», «главная прелесть охоты», «кровопролитные охоты», «быстрейшие и недоступнейшие антилопы», «лучшие скакуны», «лес серебряных тополей», «цветущая степь», «дрянной народ», «ужасная боль», «отчаянный прыжок». То же находим и в «Охоте»: «белый снежный покров», «хорошее ружье», «заядлого охотника», «легкой добычи», «мороз в декабре был сильный», «ветер дул встречный», «свежие следы», «предсмертной агонии», «перенесенный испуг», «потерянное время», «наивеселом настроении духа», «трусливым казаком», «в снежной стене оврага».

При описании самой охоты эпизоды предстают динамичными и импульсивными — авторы желают показать, что происходит здесь и сейчас, передают возбужденное состояние охотников: «Последовав глазами направлению его пальца, я увидел несколько светло-желтых точек, движущихся на горизонте: то были сайгаки» [3, 136]. Первые неудачи заставляют прикладывать еще больше усилий — после промаха охотники вскакивают на коней и пускаются в погоню. Вскоре они нагоняют сайгаков. Нагляден и эпизод первой встречи с хищниками у автора «Охоты»: «Возница мой струхнул не на шутку. Еще сажень за пятнадцать он стал громко кричать...» [4, 3].

Динамичность достигается с помощью глаголов движения. А. К. Толстой использовал сложные предложения, однородные сказуемые, перечисления: «Глинистая, засохшая почва, уж и без того жесткая как камень, была еще покрыта маленькими острыми камешками, которые причиняли мне ужасную боль; солнце жгло мою спину как будто огонь, и пот градом с меня катился. Несмотря на то, я полз, не останавливаясь...» [3, 132]. Писатель прибегал к одушевлению природы и ее психологизации. Вот как он опи-

сывает эмоциональное состояние перед стрельбой: «...руки мои дрожали, пот катился в глаза и мешал мне смотреть...», «...сердце мое так сильно забилося, что мне казалось, будто сайгак услышит его стук» [3, 134]. Охотник также умело передает разные состояния героев: «С замиранием сердца, мы переглянулись...». «Казак, струсив, кинулся в сторону на сугроб снега вверх оврага...», и тут же: «И все это было так мгновенно и даже смешно, что мы при всей опасности, расхохотались!»; «Посмеявшись вдоволь над казаком, который начал уже сердиться, мы дали ему вознаграждение...» [4, 3].

Используются выразительные детали в описании животных: «...большие, красиво выгнутые рога с черными кончиками, глубокие морщины на горбате носу и огромные раздутые ноздри, которыми он шевелил во все стороны...», «он (сайгак.— Авт.) был ростом более дикой козы, светло-бурого цвета и с шестнадцатью кольцами на рогах...» [3, 134]; «впереди их был прекрасный самец с большими лирообразными рогами нежного желтого цвета, которые на солнце казались прозрачно-золотыми. Он раздувал широкие ноздри и подымал голову кверху, как будто чуя опасность» [3, 141]. В борьбе с недоверчивым сайгаком автор воспринимал животное как равного, умного и осторожного противника.

Очеркисты скрупулезны в деталях, когда перечисляют приспособления и орудия охоты: в первом очерке это одноствольная винтовка, двуствольное ружье, ятаган, пули, штуцера, патроны, ягдташ; во втором — ружье, револьвер большого калибра, «жеребья», дробь № 7, ножны, кинжал, «обшивки».

В произведении «Два дня в киргизской степи» много дополнительных историй, живущих не самостоятельно, а являющихся частью целого произведения: охота на тетеревов; встреча с казаками; ночевки; рассказы о кочевниках. В последних внимание уделялось проблемам взаимоотношения русских и киргизов. Проводник рассказал автору о жизни в плену кочевников. Когда его поймали, то сразу забрали одежду. Его часто били, заставляли стеречь табуны, доить кобыл, делать сыр из козьего молока. Но он сумел набраться храбрости и сбежать из плена, захватив двух коней. В дороге ему пришлось есть мертвого сайгака, что спасло проводника от голода.

Инициатором всех диалогов в очерке «Два дня в киргизской степи» становился автор. В одной из бесед он узнал, что охотник Репников откусил кочевнику ухо, когда тот пытался угнать вместе с сородичами табун лошадей: «...я как подскакал к ним да как увидел эту киргизскую рожу, так сердце и закипело,— бросился на него и отхватил зубами ухо...» [3, 136]. Такие эпизоды и сценки оживили текст, сделали его достоверным. Казалось, что они не имели отношения к охоте на сайгаков, но раскрыли определенные особенности местного быта, избавили текст от однообразия и скуки.

В очерке «Два дня в киргизской степи» описана охота башкирцев (башкир.— Авт.) и киргизов (казанов.— Авт.) на волков. Сначала они выходят на волчий след, затем преследуют зверя. Когда волк устанет, а это может случиться и через пятьдесят верст, «высунет язык и пойдет шагом: тогда охотники к нему подсакивают и убивают его нагайками. Удар по носу считается вернейшим...» [3, 142]. В очерке «Охота на волков» на хищников охотились казаки. Они также вышли на след волков. Но сама схватка длилась всего лишь несколько минут: «...весь этот трагически забавный случай произошел так быстро, что всему свершившемуся, кажется, не было и минуты времени!» [4, 3].

В обоих очерках можно наблюдать прием сравнения: так, калмыки, по мнению автора, «хуже киргизцов» [3, 138], «тетеревиная стрельба» подобна «кровопролитной охоте в немецких парках» [3, 127]; степные дороги ассоциируются с гладким паркетом; горбатые носы сайгаков напоминают «своею длиною и мягкостью носы индейских петухов...» [3, 130]. Охотник сравнивает хорошее двуствольное ружье с «дорогим товарищем», ружье казака — с «металкой», с которой «...не только на волка, а и на куяна (зайца.— Авт.) идти ненадежно...» [4, 3].

Описание обеда после удачной охоты в очерке «Два дня в киргизской степи» вызывает у читателей чувство отвращения. Это достигается с помощью реалистичного и подробного описания блюда: «...у всех сайгаков под кожей на спине были большие белые черви; и хотя места эти тщательно вырезывались, но мысль о них не придавала особенного вкуса ни соусу, ни жаркому. Черви эти происходят от яиц, которые кладут к ним в шерсть какие-то насекомые. Все кожи, нами снятые, были на спине как будто прострелены крупною дробью...» [3, 142]. Подробно описаны травмы убитых зверей: «Осмотрев убитых волков, мы увидели, что на первом было две пули: одна попала в шею навывлет, другая в левый бок близ паха. Второй волк оказался с выбитыми дробью глазами и тремя попавшими «жеребьями» в правой стороне бока...» [4, 3].

Таким образом, на примере очерков «Два дня в киргизской степи» А. К. Толстого и «Охота на волков» оренбургского автора Охотника мы можем говорить о том, что писатели в своем творчестве обращались к жанрам русского реализма, в данном случае — очерку. А. К. Толстой в своем произведении предварил тенденции, которые впоследствии С. Т. Аксаков и И. С. Тургенев сделали достоянием русской литературы, а именно: русский реалистический пейзаж. Охотник, написавший очерк «Охота на волков» 50 лет спустя, не стремился подражать А. К. Толстому. Произведение оренбургского писателя уступает в художественности. Тем не менее в нем также использованы различные приемы, характерные для русского реализма: правдивость из-

ложения, типизация, обобщение, авторская позиция, психологические моменты. Оба очерка описывают реальные факты (охоту), используют многочисленные выразительные средства и приемы (эпитеты, сравнения, пейзаж).

Писателям удалось обычное явление — охоту — превратить в художественный образ, наполненный красками и движением. Картины, описанные авторами, превзошли по смыслу реальные события. Очерки «Два дня в киргизской степи» и «Охота на волков» представляют интерес для оренбургских исследователей тем, что в них описана природа Оренбургского края, охотники, охота и проблемы приграничных взаимоотношений

*Оренбургский государственный университет
Сайбулова А. Ж., аспирант
E-mail: ardak56@yandex.ru*

*Жаплова Т. М., доктор филологических наук, заведующий кафедрой журналистики Института социально-гуманитарных инноваций и массмедиа
E-mail: tmzhaplova@mail.ru*

с кочевниками. Оба произведения следуют традициям русского реализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барашкова Е. В. Проблема русского национального характера в исторических произведениях А. К. Толстого: дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Барашкова. — М., 2009.
2. Прокофьева А. Г. Оренбургский край в произведениях русских писателей / А. Г. Прокофьева. — Оренбург: ОГПИ, 1995.
3. Толстой А. К. Собрание сочинений: в 4 томах / А. К. Толстой. — М.: Правда, 1980. — Т. 2.
4. Охотник. Охота на волков / Охотник // Оренбургский листок. — 1891. — 3 марта. — № 10. — С. 3.

*Orenburg State University
Saybulova A. Z., Postgraduate Student
E-mail: ardak56@yandex.ru*

*Zhaplova T. M., Doctor of Philology, Head of Journalism Department, Institute of Social and Humanitarian Innovations and Mass Media
E-mail: tmzhaplova@mail.ru*